ДАМИР САФИУЛИН

Я ПОБЕДИЛ РАК

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ БОРЬБЫ,
ВЕРЫ И НОВОЙ ЖИЗНИ

Дамир Сафиулин

Я ПОБЕДИЛ РАК

Личная история борьбы, веры и новой жизни

Алматы
Мұғалім.KZ
2026

УДК 616-036.82
ББК 53.54
С21

Д. Сафиулин
Я победил рак
Д. Сафиулин. – Алматы: Мұғалім.KZ, 2026. – 104 стр.

ISBN 978-601-12-9472-0

Эта книга – не медицинское руководство и не сборник советов. Это личная история о болезни, лечении, вере, страхе, надежде и пути, который автору пришлось пройти.

УДК 616-036.82
ББК 53.54

ISBN 978-601-12-9472-0

© Сафиулин Д., 2026

Воистину, вместе с трудностью – облегчение.
(Священный Коран, Сура Алам-Нашрах, 94:6)

ДИСКЛЕЙМЕР

Эта книга не является медицинским руководством. Это личная история человека, который прошёл через диагноз, лечение, страх, боль, молитвы и внутреннюю борьбу. Я делюсь своим опытом не для того, чтобы давать советы, а для того, чтобы честно рассказать, как это было: что помогало держаться, что давало силы идти дальше и какие уроки я вынес из этого испытания. Я не являюсь врачом и не даю медицинских рекомендаций. Всё, что описано в этой книге, – это моя личная история, мои переживания, выводы и путь, который я прошёл.

Если вы или ваши близкие столкнулись с онкологическим заболеванием, обязательно обращайтесь к квалифицированным врачам, проходите обследования и следуйте назначенному лечению. Не прекращайте лечение и не меняйте медицинские назначения без консультации со специалистом.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга – не для лёгкого чтения.

Не для вечера на диване с чашкой чая. Не для того, чтобы скоротать время в дороге. Здесь есть боль. Есть грусть и печаль. Есть вещи, о которых не принято говорить вслух – и которые я всё равно написал, потому что внутри меня жил зов – рассказать. Поделиться тем, через что прошёл. Не держать это только в себе.

Если ты взял эту книгу в руки – я не знаю, что привело тебя к ней. Может быть, болезнь. Своя или чужая. Может быть, страх. Может быть, просто случай. Но я верю, что случайных читателей не бывает. И если моя история окажется тебе не безразличной – значит, она написана не зря.

Ты заметишь, что я обращаюсь к Аллаху.

В молитвах, в благодарности, в самые тёмные моменты – я иду к Нему. Это часть моей веры, моей жизни, меня самого. Я не умею рассказывать свою историю, убрав из неё эту часть – я поклоняюсь Ему по сей день – и особенно молился в те тяжёлые моменты, когда было совсем сложно.

Но я не навязываю её тебе.

Ты можешь верить иначе. Или не верить вовсе. Это твоё право, и я уважаю его полностью. Читай эту книгу своим сердцем – и бери из неё то, что отзовётся. Остальное оставь.

Мама.

Если ты держишь эту книгу в руках – пожалуйста, отложи её.

Я прошу тебя.

Многое из того, что написано здесь, я никогда не рассказывал тебе вслух. Не потому что скрывал – потому что не хотел причинять боль. Ты и без слов чувствовала всё. Я знаю: в серд-

це ты пережила каждый из этих дней вместе со мной – молча, в стороне, так, как переживают только матери.

Я не хочу делать тебе больно ещё раз.

Прости меня за те переживания, которые ты уже пережила из-за меня. За слёзы, которые ты прятала. За страх, который носила в себе и не показывала. За всё это – прости.

Эта книга написана не для тебя. Она написана для тех, кто не знает, каково это – изнутри. Ты знаешь. Тебе не нужно читать.

Я люблю тебя.

Всем остальным – добро пожаловать.

Это – моя история. Честная. Настоящая. Со страхом и верой, с потерями и чудесами, с капельницами и молитвами.

Я был там. Я прошёл через это. И я здесь – чтобы рассказать.

Читай.

ГЛАВА 1. ДЕНЬ, КОТОРЫЙ РАЗДЕЛИЛ ВСЁ

Есть слова, которые меняют человека навсегда.

Не громкие слова. Не торжественные. Обычные – произнесённые тихим голосом в белом кабинете, среди запаха хлорки и казённого света. Слова, после которых ты выходишь в коридор и видишь тех же людей, те же стены, ту же жизнь – но уже другими глазами. Потому что ты изменился. Прямо там, в кабинете. За несколько секунд.

Мне сказали: рак.

И в эту секунду время остановилось.

Это началось не с боли. Не с тревожного симптома, не с ночей без сна, не с дурного предчувствия. Всё началось с травмы – обычной, какие случаются с людьми. Потом – операция. Потом – физиолечение, которое должно было помочь. Простая отёчность. Воспаление. Ничего страшного – так говорили врачи. Так казалось мне.

Но тело знало что-то, чего я ещё не знал.

Когда появились первые результаты анализов, врачи долго молчали. Переглядывались. Смотрели в бумаги. Потом смотрели на меня. Я не понимал, что происходит. Я был молодым. Здоровым. У меня была семья, работа, планы. Я не вписывался в этот кабинет. Я не должен был здесь сидеть.

Диагноз был неоднозначным – врачи сами не были уверены. Онкологические образования в лёгких. Стадия неясна. Перспективы туманны. Мне нужно было дополнительное обследование.

Я поехал в Китай.

Первая больница города Урумчи встретила меня запахом, который я не забуду никогда. Смесь дезинфектора, чужой еды и чего-то ещё – чего-то неуловимого, что бывает только в боль-

ших медицинских учреждениях, где каждый день проходят тысячи людей с тысячами болезней. Чужая страна. Чужой язык. Чужие лица врачей, которые изучали мои снимки с профессиональным спокойствием – так, будто разглядывали не мои лёгкие, а карту незнакомого города.

Они смотрели долго.

Потом подняли взгляд.

Диагноз подтверждён.

Рак.

Единственный метод лечения – химиотерапия.

Я сидел и слушал. Переводчик говорил. Врач кивал. Где-то за стеной гудело оборудование. А я думал об одном: как я скажу об этом жене? Как я скажу маме? Что будет с моим сыном Садидом, которому два года и который ещё не знает, что такое страх?

Жена была беременна. Мы узнали об этом буквально за месяц до операции – радостная новость, которую мы ещё не успели толком отпраздновать. И теперь я сидел в чужом городе, в чужой стране, с чужим диагнозом – и думал: как ей это сказать? Она ждёт ребёнка. Она должна радоваться, беречь себя. А я вернусь домой и скажу ей, что всё изменилось.

Потом в кабинет вошла профессор.

Уйгурка по национальности – статная, с тихим достоинством в каждом движении. Она говорила по-английски и по-уйгурски – переводчик переводил с уйгурского, но английскую речь я понимал сам. Но я запомнил не слова. Я запомнил интонацию – спокойную, без жалости и без холода. Голос человека, который видел многое и всё же не разучился говорить по-человечески.

Она посмотрела на меня и сказала:

– Сынок, у меня с таким диагнозом живут.

Я не сразу понял, что произошло. Эти слова были такими простыми. Такими тихими. Но они упали куда-то глубоко – туда, где уже начинало гаснуть что-то важное. И это что-то вдруг снова зажглось.

Потом она сказала ещё одно – то, чего я совсем не ожидал услышать от врача в чужой стране, в платной клинике, где каждый день стоил денег.

– Химия везде одинаковая. У нас один курс обходится до де-

сяти тысяч долларов. У вас в стране вы можете получать то же самое лечение по квоте – бесплатно.

Я до сих пор не могу объяснить это рационально.

Врачи не говорят так. Врачи в платных клиниках говорят иначе: «Лечитесь здесь. У нас лучшее оборудование. У нас опыт. Оставайтесь». Это логика, это бизнес, это понятно. Но она сказала мне правду – честно, просто, без лишних слов. Она не удерживала меня. Она отпустила меня домой.

Я думаю об этом часто. Как Всевышний вложил именно эти слова именно в её уста – в нужный момент, в нужном городе, на другом конце света. Может быть, это и было первым чудом. Не громким. Не видимым. Но настоящим.

В её словах я услышал сразу два подарка.

Первый – надежду. «У меня с таким диагнозом живут» – это не протокол, не статистика, не формула вежливости. Это было живое слово живого человека. И оно дало мне то, без чего лечение не работает: веру в то, что выжить – возможно.

Второй – честность. Она могла промолчать. Могла сказать: «Решайте сами». Но она выбрала другое. И этим выбором она, сама того не зная, закрыла для меня дорогу в неизвестность – в чужую страну, с платным лечением, без семьи, без опоры, без дома.

Я вернулся в Казахстан. На Родину – туда, где тебя принимают. Где есть семья и друзья. Где ты нужен. Где даже воздух немного другой – свой.

Когда человек получает страшный диагноз, перед ним открываются три пути.

Я видел их все – изнутри, в те первые дни, когда мой разум отказывался принять то, что уже было правдой.

Первый путь – отрицание. «Это ошибка». «Врачи ничего не знают». «Я прекрасно себя чувствую, значит ничего нет». Этот путь соблазнителен, потому что он не требует ничего. Не нужно бояться. Не нужно лечиться. Не нужно менять жизнь. Просто продолжай идти – туда, куда шёл. И делай вид, что ничего не случилось.

Я знаю людей, которые выбрали этот путь.

Некоторых из них уже нет.

Второй путь – сопротивление без действия. «Это не онкология, это просто воспаление». «Попробую травы». «Схожу к целителю, он поможет». «Само пройдёт». Этот путь ещё опаснее, потому что создаёт иллюзию борьбы. Человек что-то делает – и думает, что борется.

Я знаю это не понаслышке. Я сам прошёл через это.

В самом начале, когда диагноз ещё не уложился в голове, я пробовал всё. Ходил к лекарям. Покупал у них настойки. Принимал всё, что они говорили – послушно, с надеждой, как человек, который утопает и хватается за всё подряд. Кто-то посоветовал жидкость из ветеринарной аптеки – говорили, что она лечит рак у животных, а значит, поможет и людям. Я пил её. Она была отвратительной на вкус – горькой, тошнотворной, чужеродной. Но я пил. Потому что хотел верить, что есть лёгкий путь. Что где-то есть секрет, который врачи почему-то скрывают. Что кто-то знает способ проще, быстрее, без больниц и капельниц.

Результата не было никакого.

Однажды я просто взял всё это – настойки, пузырьки, пакеты с травами – и выбросил. Молча. Без сожаления. В тот момент что-то щёлкнуло внутри: время, которое я тратил на это, уже не вернуть. И я понял – либо я иду к врачам, либо я проигрываю этой болезни без боя.

Терять драгоценное время – то самое время, когда химиотерапия ещё могла бы помочь, когда болезнь ещё можно было остановить.

Я видел, как это заканчивается. Я чуть сам не стал таким примером.

Третий путь – принятие. Не смирение. Не капитуляция. Именно принятие – жёсткое, трезвое, мужественное. Сказать себе: «Это случилось со мной. Это правда. И я буду с этим бороться – так, как нужно бороться, а не так, как хочется».

Я выбрал третий путь.

Это был самый трудный выбор в моей жизни.

Помню, как сидел вечером один. Жена была рядом, но я был один – внутри себя, в той тишине, которая бывает только тогда, когда по-настоящему страшно. Я спрашивал себя: «Почему я? Почему это случилось именно со мной?»

Этот вопрос – «почему я?» – один из самых жестоких вопросов, которые болезнь задаёт человеку. Он ест изнутри. Он ищет виноватых – врачей, судьбу, Бога, себя. Он забирает силы, которые так нужны для лечения.

Я не нашёл ответа на этот вопрос тогда. Но я нашёл другой вопрос – тот, который оказался важнее.

Не «почему это случилось со мной?»

А «что я теперь буду с этим делать?»

Это маленькая разница. Но она меняет всё.

Первый вопрос смотрит назад. Второй – вперёд. Первый ищет причину. Второй – путь. И именно второй вопрос даёт человеку силы встать утром, выйти из дома и сделать следующий шаг – каким бы страшным этот шаг ни казался.

Я решил принять свою болезнь. Принять – не полюбить. Не обрадоваться. Но посмотреть ей в лицо, назвать своим именем и сказать: «Хорошо. Ты здесь. Значит, мы будем бороться».

Принять болезнь и продолжать любить себя – таким, каким ты стал, – вот это и есть настоящий поступок. Не громкий. Не героический. Но настоящий.

Я записался на лечение.

Впереди была химиотерапия. Я не знал тогда, что именно это значит. Я думал, что знаю, – читал, слышал, видел в кино. Но то, что я знал, и то, что мне предстояло пережить, – это были совершенно разные вещи.

Если бы я знал тогда, что меня ждёт, – может быть, я бы испугался ещё больше.

Но, может быть, именно поэтому Всевышний не открывает нам будущее. Потому что мы идём по этому пути шаг за шагом – и каждый шаг мы в силах сделать. Весь путь сразу – невозможно. Один шаг – всегда возможно.

И я сделал первый шаг.

Молитва

О Аллах, Ты знаешь то, чего не знаю я. Ты видишь то, чего не вижу я. Сегодня я стою перед тем, что больше меня. Я не понимаю, почему это случилось. Я боюсь. Я не знаю, что будет завтра.

Но я знаю одно – Ты есть. И если Ты дал мне это испытание, значит, Ты знаешь, что я могу его вынести. Даже если я сам в это ещё не верю.

Дай мне силы сделать следующий шаг. Только один – следующий. Больше я ничего не прошу прямо сейчас.

Аминь.

Слово к читателю

Если ты сейчас держишь эту книгу – значит, ты или сам столкнулся с чем-то страшным, или кто-то близкий тебе переживает это прямо сейчас.

Я хочу сказать тебе одну вещь. Только одну.

Тот страх, который ты чувствуешь – он нормален. Растерянность – нормальна. Слёзы – нормальны. Вопрос «почему я?» – нормален. Ты не слабый, потому что боишься. Ты живой.

Но есть одна вещь, которую страх может у тебя украсть, если ты позволишь ему это сделать. Он может украсть время. То самое время, когда лечение ещё работает. Когда врачи ещё могут помочь. Когда болезнь ещё отступает.

Не отдавай ему это время.

Прими то, что есть. Скажи это вслух – себе, врачу, близкому человеку. Сделай следующий шаг. Не весь путь – только следующий шаг.

Этого достаточно. На сегодня – этого достаточно.

Конец главы

Я записался. Дата первого курса была назначена. Я думал, что самое страшное – узнать диагноз.

Я ошибался.

Самое страшное началось именно тогда, когда я лёг на больничную койку, медсестра подготовила капельницу, и первые капли лекарства начали медленно входить в мою кровь.

То, что произошло дальше, я не пожелаю никому.

И всё же – это спасло мне жизнь.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ХИМИЯ

Есть вещи, которые невозможно объяснить тому, кто не пережил их сам.

Можно рассказать про химиотерапию. Можно описать симптомы. Можно прочитать статью, посмотреть документальный фильм, поговорить с врачом. Но понять – по-настоящему, телом, каждой клеткой – что это такое, можно только изнутри.

Я узнал это в первый же день.

До болезни я никогда не лежал в больнице. Совсем. Ни разу в жизни.

Была операция – но это отдельная история, и тогда я ещё не понимал, что это только начало. А в целом – двадцать четыре года жизни, и ни одной больничной койки, ни одной капельницы, ни одной ночи под казённым потолком. Больница для меня существовала где-то на периферии – как что-то, что случается с другими людьми, в другой жизни.

И вот теперь я сидел в приёмном покое с папкой документов, смотрел на белые крашеные стены и понимал: я понятия не имею, что будет дальше. Совсем. Всё было незнакомым, неизведанным – и от этого страшным вдвойне. Страх болезни накладывался на страх неизвестного. Что скажет врач? Что будет в палате? Как это всё происходит? Как себя вести? Что чувствовать?

Никто не учит тебя тому, как быть пациентом онкологии.

Палата встретила меня белым потолком и запахом, который я не забуду никогда. Смесь дезинфектора, казённой еды и чего-то ещё – неуловимого, что бывает только там, где много боли в одном месте. Несколько коек вдоль стен. Окно выходило в серость. Врачи входили и выходили – малословные, сосредоточенные, занятые. Не жестокие. Просто далёкие. Для них это была работа. Обычный день.

Для меня – первый день войны.

Я огляделся на соседей по палате. И то, что я увидел, остановило меня.

На соседней койке лежал мужчина лет двадцати восьми – старше меня на три-четыре года. Он перенёс операцию на толстый кишечник, и теперь часть его кишечника была выведена наружу – катетер, специальный мешок сбоку, всё это открыто, видно, присутствует в каждом движении, в каждой минуте его жизни. Я смотрел и не мог представить, как с этим живут. Как просыпаются утром. Как разговаривают с близкими. Как смотрят в зеркало. Это был его удел, к которому он уже привык. Он менял катетер на новый каждые три дня. И жил с этим.

Через койку – другой мужчина. На голове у него была огромная опухоль. Не спрятанная, не прикрытая – просто часть его лица, его облика, его каждодневной реальности.

Третий сосед дышал через отверстие в горле – трахеостому. Я слышал его дыхание: ровное, хрипловатое, с лёгким свистом. И видел, как с каждым вдохом чуть колыхался кусочек кожи вокруг трубки. Когда ему нужно было что-то сказать, он прижимал палец к трубке, закрывая отверстие, – и тогда говорил. Тихо, немного иначе, чем обычные люди. Но говорил. И улыбался.

Все трое разговаривали между собой легко, почти весело – как люди, которые уже не в первый раз собираются в этой палате. Они знали друг друга. Шутили. Обсуждали что-то своё. Спрашивали о семьях. Кто-то рассказывал, как провёл перерыв между курсами. Обычный разговор обычных людей – просто в необычных обстоятельствах.

Я смотрел на них и не понимал.

Как? Как можно вот так – с катетером, с опухолью на голове, с дыркой в горле – сидеть и смеяться? Как можно выглядеть живее и бодрее, чем я, у которого, если разобраться, всё не так плохо?

И тут меня накрыло осознание – тихо, без предупреждения, как часто бывает с самыми важными мыслями.

Урок первый: болезнь – это не приговор.

Эти люди жили с диагнозами тяжелее моего. С последствиями операций, которые изменили их тело навсегда. Они не

прятались, не сдавались, не угасали в углу палаты. Они жили. По-настоящему – разговаривали, смеялись, строили планы. И в этой палате, среди капельниц и штативов, они выглядели живее многих здоровых людей, которых я знал.

Именно тогда я нашёл в себе силы идти дальше. Не потому что стало легче физически. А потому что я увидел – можно. Можно жить с этим. Можно оставаться человеком – с огнём в глазах, с улыбкой на лице – даже когда тело проходит через самое страшное.

Медсестра поставила капельницу. Игла вошла в вену. Прозрачная трубка. Прозрачная жидкость. Я смотрел на неё и думал: вот моя надежда в прозрачном пакете на металлическом штативе.

Я не знал, что следующие трое суток станут самыми тяжёлыми в моей жизни.

Первая химиотерапия прошла ужасно.

Потом я узнал, что врачи не использовали противорвотные препараты. Не дали гепатопротекторы для защиты печени. Просто ввели лекарство – и всё. Я не виню их сейчас. Но тогда, когда моё тело начало реагировать, я не понимал, что происходит.

Тошнота пришла не сразу. Сначала – просто слабость. Странная, незнакомая – не та усталость, которая бывает после тяжёлого дня, а что-то другое. Как будто кто-то медленно выключает тебя изнутри. Выкручивает. Гасит.

Потом пришла тошнота.

Потом – рвота.

Потом снова тошнота. И снова.

Три дня. Трое суток подряд – невозможно ни лежать, ни сидеть. Любое положение тела – неправильное. Ты ворочаешься, ищешь ту единственную позу, в которой станет хоть немного легче – и не находишь. Она не существует. Есть только тошнота, которая не отпускает ни на минуту, и четыре белые стены.

Еда не лезла. Больничная каша на подносе стояла нетронутой. Тело отвергало всё. Вкус изменился – это невозможно описать точно, но любой, кто прошёл через химию, поймёт сразу. Во рту поселился металл. Постоянный, ровный, чужой ме-

таллический привкус, который не проходил ни после воды, ни после сна. Жена привезла домашнее – то, что я всегда любил. Та же еда, те же руки, та же любовь – но вкус был другим. Металл перебивал всё.

Тело начало отекать. Не худеть – отекать. За первые недели я прибавил около пяти килограммов – не мышц, не жира, а воды, которую организм удерживал в ответ на лекарства. Лицо округлилось. Тело стало тяжёлым, чужим, непослушным.

На четвёртый день стало чуть легче. Я выдохнул – первый раз за четыре дня по-настоящему. Через неделю тело пришло в относительную норму. Я мог есть. Мог разговаривать с сыном Садидом, который прибегал и обнимал меня изо всех сил – так, как умеют обнимать только трёхлетние дети.

Я думал: ну вот. Самое страшное позади.

Я снова ошибался.

Через две недели начали выпадать волосы.

Сначала – на расчёске. Потом – на подушке. Потом – везде. Клочьями, неожиданно, предательски. Я знал, что это произойдёт – врачи предупреждали. Но одно дело знать. Другое – стоять перед зеркалом и видеть это своими глазами.

Волосы. Брови. Ресницы.

Всё.

Я смотрел на себя в зеркало и видел незнакомца. Отёкшее, округлившееся лицо – тяжёлое от воды, которую держало тело. Без бровей. Без ресниц. С кожей цвета больничной стены. Это был я – и это был не я.

Внешнее изменение наложилось на внутреннее. Тело и так предавало – тошнотой, слабостью, отёками. А теперь ещё и лицо в зеркале стало чужим. Это двойное предательство начало тянуть вниз. В темноту. В то, у чего есть имя – депрессия – но которое изнутри не похоже ни на какое слово. Оно просто давит. Молча. Постоянно.

Жена смотрела на меня и говорила: «Ты мне нравишься таким. Я тебя люблю таким». Я слышал. Я знал, что она не лжёт. Но слова доходили как сквозь вату.

Она плакала, когда думала, что я не вижу.

Я видел.

При этом она сама носила ребёнка. Живот уже был заметен. Она приезжала ко мне в больницу – с едой, с терпением, с улыбкой, которую держала специально для меня – беременная, уставшая, но не показывавшая ни того ни другого. Иногда я смотрел на неё и не мог понять, откуда в человеке столько силы. Потом понял: она не тратила её на себя. Всю – отдавала мне.

Молитва спасала меня.

Я уже давно практиковал ислам. Намаз был частью моего дня – до болезни, до больницы, до всего этого. Я знал, что такое обращаться к Всевышнему. Я верил. Но именно болезнь показала мне, что такое вера по-настоящему – не когда всё хорошо, а когда всё рушится и больше не на что опереться.

В самые тяжёлые ночи я просил о прощении. За прошлые деяния. За грехи, о которых помнил, и за те, о которых забыл. Я просил терпения – не на весь курс сразу, а просто на эту ночь, на этот час. Просил, чтобы Аллах наполнил моё сердце светом и верой, открыл его и убрал из него страх. Просил наставления – чтобы не сойти с правильного пути, чтобы стать богобоязненнее, чтобы болезнь сделала меня ближе к Нему, а не дальше.

И приходило облегчение.

Не мгновенное. Не волшебное. Но настоящее – как воздух, который входит в лёгкие после долгого задержанного дыхания. Немного легче. Немного светлее. Ровно столько, чтобы дожить до утра.

Ровно столько, чтобы встать и сделать следующий шаг.

Молитва

О Аллах, моё тело сейчас слабее, чем когда-либо. Я смотрю в зеркало и не узнаю себя. Я устал от боли и от страха. Я устал бояться, что будет завтра.

Прости меня за мои прошлые деяния – те, что я помню, и те, о которых я забыл. Прости мои слабости и недостатки. Я знаю, что согрешал.

Я знаю, что был далёк от Тебя в те дни, когда мне было хорошо. Прости меня за это.

Дай мне терпение и скорейшего выздоровления. Помоги мне пройти этот путь – не на весь сразу, только на сегодня. Наполни моё сердце светом и верой. Открой его. Убери из него страх и замени его на богобоязненность. Наставь меня на прямой путь – и не позволь болезни сделать меня слабее духом, только крепче.

Пока я жив и дышу – я Твой. Это всё, что я знаю точно.

Аминь.

Слово к читателю

Я хочу, чтобы ты запомнил тех троих мужчин из моей палаты.

Человека с катетером. Человека с опухолью на голове. Человека, который дышал через дырку в горле.

Они смеялись. Разговаривали. Строили планы. Жили.

Если ты сейчас смотришь в зеркало и не узнаёшь себя – знай: то, что ты видишь, это не ты. Это цена лечения. Это временно. Волосы вырастут. Отёки уйдут. Брови вернутся. Зеркало показывает поверхность – оно не видит человека, который каждое утро встаёт и продолжает бороться, несмотря ни на что.

Зеркало врёт. Твоя сила – нет.

И ещё одно. Посмотри вокруг себя в палате. Посмотри на тех, кто рядом. Не для того, чтобы сравнивать и думать, кому хуже. А для того, чтобы увидеть: люди живут с этим. Выходят из этого. Возвращаются домой. Смеются. Болезнь – это не конец. Это испытание. А испытания заканчиваются.

Продолжай лечение. Не сдавайся. Сделай следующий шаг.

Конец главы

Прошли три недели – и начался второй курс.

Снова сбор документов. Снова очереди в поликлинике. Снова направление, регистрация, госпитализация. Я уже знал этот маршрут наизусть – каждый кабинет, каждое окошко, каждое лицо в очереди. Знал, чего ожидать от капельницы. Знал, что четыре дня будет плохо, на пятый станет чуть легче.

Второй курс прошёл чуть легче первого. Уже не так неожиданно. Уже понятно, что это за волна и когда она схлынет.

Потом третий.

Перед третьим курсом врачи сделали очередное обследование. Плановое, рутинное – просто посмотреть на динамику.

То, что они увидели, изменило всё.

ГЛАВА 3. ЖИТЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ МИНУТЫ

Результаты третьего обследования были плохими.

Врач положил снимки на стол, посмотрел на меня – внимательно, чуть дольше обычного – и сказал то, что хороший врач говорит только тогда, когда нет смысла скрывать правду. Схема лечения не давала нужного эффекта. Метастазы не уходили. Нужно было думать о смене протокола.

Я сидел и слушал.

Снаружи – спокойно. Кивал. Задавал уточняющие вопросы. Внутри – как будто кто-то снова остановил время. Вот только в этот раз остановилось не просто время. Остановилось что-то большее. То, что я успел выстроить за эти несколько месяцев – маленькая уверенность, что лечение идёт, что что-то происходит, что тело борется и побеждает.

Это что-то рассыпалось прямо там, в кабинете.

Я вышел в коридор.

Сел на скамью у окна.

И впервые за всё это время заплакал по-настоящему.

В онкологических больницах много коридоров.

Я знаю это точно – я провёл в них сотни часов. Очереди к регистратуре. Ожидание перед кабинетом. Ожидание результатов. Ожидание нового направления. Ожидание, пока оформят следующий курс. Документы, справки, талоны. Окошко, в котором тебе говорят: «Не туда, идите в третий корпус». Третий корпус: «Вам сначала нужно в первый».

Я научился не злиться.

Это заняло время.

Поначалу – злился. Внутри, молча, но злился. Больной человек – и всё равно нужно стоять в очереди, объяснять, доказывать, нести бумажки. Система не была жестокой умышленно. Она просто была большой и неповоротливой, как старый корабль, который давно не видел ремонта. Она не ненавидела пациентов. Она просто не успевала за ними.

Были разные врачи.

Были те, кто смотрел сквозь тебя – не со злобой, просто устало. Восьмой пациент за утро, одиннадцатый диагноз за неделю, сотый такой разговор за карьеру. Они говорили правильные вещи, но как-то механически – как читают по бумажке то, что давно знают наизусть.

Но была Гульжан.

Медсестра. Небольшого роста, быстрая, с руками, которые всё делали точно и без лишних движений. Она не произносила торжественных речей. Она просто помнила, как кого зовут. Могла пройти мимо и сказать: «Как ты сегодня, Дамир? Получше?» – не формально, а как будто ей правда важно знать. Могла задержаться на секунду, когда ставила капельницу, и сказать что-то тихое, необязательное, человеческое.

Маленькие вещи. Незначительные, казалось бы.

Но в месте, где всё большое и страшное, именно маленькие вещи держат тебя.

Я не забыл её имени. Не забуду.

Параллельно с больницей шла жизнь.

Это может звучать странно – но она шла. Не останавливалась, не ждала, пока мне станет лучше. Жизнь вообще не умеет ждать.

Я работал в университете. Читал лекции. Приходил в аудиторию – иногда слабый после курса, иногда с тем металлическим привкусом во рту, который не уходил, – и всё равно приходил. Объяснял. Отвечал на вопросы. Студенты не всегда знали, что происходит. Некоторые знали. Это не имело значения.

Была школа английского языка – наш маленький, важный проект. Ипотека, которую нужно было платить. Садида, которого нужно было кормить, одевать, водить в садик. И жена, которая сама была уже на большом сроке – ждала нашего второго ребёнка – и при этом не пропустила ни одного моего курса. Всё это существовало одновременно с капельницами, с тошнотой, с ночами, когда не мог найти правильную позу.

Люди потом спрашивали: как?